

Во-первых, в Сл. РЯ XI—XVII вв. анализируемые лексемы входят, как правило, с пометой XVI, XVII вв. (даже в одном случае — начало XVIII в.), т. е. все фиксации относятся к достаточно позднему периоду, для которого как раз характерна высокая интенсивность польско-русских языковых контактов. Среди непосредственных источников фиксаций мы видим такие заведомо переводные, активно полонизирующие тексты, как «Назиратель», «Травник» Николая Любчанина и др.

Во-вторых, среди источников академического 17-томного Словаря (далее: ССРЛЯ) находятся преимущественно лексиконы XVIII в. (Поликарпова, 1704; Вейсмана, 1731; Нордстета, 1780). Для названных словарей, как и в целом для лингвистической ситуации XVIII в., характерна высокая степень насыщенности иностранной заимствованной лексикой.

В-третьих, определяющим критерием для оценки реального происхождения той или иной лексемы должно, очевидно, служить обращение к семантике. И в этом смысле ССРЛЯ представляет, как правило, стадильно более поздние абстрагированные значения, расходящиеся с первоначальным смыслом польских слов, заимствованных в свое время — из текста в текст — нашим переводчиком.

Сопоставление лингвистического материала Псалтири Фирсова с Брестской Библией, староукраинскими и русскими глоссариями XVII в., а также с лексикой современного польского языка позволяет, как нам кажется, однозначно решить вопрос о характере и происхождении соответствующих лексем. Они должны быть признаны полонизмами, и присутствие их с разного времени и в разном количестве в русском литературном языке является следствием прямых контактов с польской книжностью, активных в XVI—XVII вв.

С другой стороны, рукопись Фирсова можно рассматривать как явление индивидуального стиля и языка в соответствии с установками современного лингвотекстологического анализа. С этой точки зрения ценность ПсФ состоит в том, что она позволяет заглянуть непосредственно в творческую лабораторию одного из малоизвестных тружеников — создателей элементов новой книжности, нового литературного языка.

* * *

Псалтирь Фирсова занимает достойное место среди первых опытов перевода текстов традиционного содержания на русский язык и является важным источником для истории литературного языка — прежде всего формирования лексики конца XVII в.

Приведенный нами анализ показал, что Фирсовым был осуществлен перевод не с немецкой лютеровской Псалтири, как считали исследователи прошлого века, а с польской кальвинистской версии, содержащейся в так называемой Брестской (Радзивилловской) Библии 1563 г. Сам термин «лютеранская», интерполированный археографами в текст приписки на лицевой стороне переплета, зафиксирован в русской лексике впервые словарем Нордстета (1780), а это заставляет предполагать, что приписка либо более позднего времени, либо первоначально испорченное место записи читалось как-то иначе (например, «с Гданской Библии»). Сходство с немецким лютеранским переводом является вторичным, опосредованным через польские протестантские источники. В ряде случаев наблюдаются существенные текстологические разночтения. Еще более далекой и опосредованной представляется связь с древнееврейским масоретским текстом. Характерно, что русский переводчик старательно устранял из текста прямые гебраизмы, встречающиеся в польских библиях (имена собственные, географические названия и т. п.).

Исследование языка рукописи под углом зрения авторской лингвистической установки позволяет сделать некоторые выводы относительно употребляемого им понятия «словенский язык» (ср. [28, с. 183 и сл.]).